

АНДРЕЙ МОВЧАН
Алексей Митров

ПРО
КЛЯТЫЕ
ЭКОНОМИКИ

5000 лет
5 континентов
37 стран
Они думали, что процветание
будет вечным
Они ошибались
Они дорого
заплатили за это

Почему успешные государства терпят крах?
Что заставляет народы разрушать свои экономики?
Чему учат нас примеры разных стран и исторических эпох?

Экономические миры

Андрей Мовчан

Проклятые экономики

«Издательство АСТ»

2020

УДК 94(100)+33
ББК 63.3(0)+65

Мовчан А. А.

Проклятые экономики / А. А. Мовчан — «Издательство АСТ»,
2020 — (Экономические миры)

ISBN 978-5-17-109321-1

Авторы изучают феномен экономических катастроф в разные исторические периоды – от Древнего Египта до современности. Особое внимание уделяется «ресурсному проклятию»: на ярких увлекательных примерах из истории разных стран авторы показывают, как полезные ископаемые, географическое положение, традиции, проблемные соседи и даже сами люди могут становиться «проклятием» и приводить к гибели экономики.

Исследовательский труд будет интересен всем, кого увлекли работы философа и футуриста Юваля Ноя Харари, рассуждения о рисках и «антихрупкости» Нассима Талеба, а также предыдущий бестселлер Андрея Мовчана «Россия в эпоху постправды». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(100)+33

ББК 63.3(0)+65

ISBN 978-5-17-109321-1

© Мовчан А. А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	10
Глава 1. Эволюция	14
Глава 2. Портрет краха в интерьере	18
Глава 3. Исход из госэкономики	26
Глава 4. Кризис менеджмента	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Мовчан, Алексей Митров

Прóклятые экономики

© Мовчан А. А., 2020

© Митров А. О., 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Ольге Мовчан, которая сперва убедила мужа писать, а теперь героически это терпит

Предисловие

Наука о бифштексах

Очень давно (по меркам человеческого века) я учился в московской школе. Математика и другие точные науки давались мне легко, но не трогали моей детской души. Русский язык и литература давались тяжело и вызвали искреннюю ненависть («Мовчан вечно пишет как курица лапой, и всегда-то у него свои идеи вместо правильных», – кричала Ирина Николаевна Сучкова, наш учитель русского и одновременно парторг школы). А вот история вызывала у меня неизменный трепет. В отличие от большинства моих сверстников я зачитывался не рассказами Гайдара или сказками Астрид Линдгрэн, а книгами о древних цивилизациях. От «Мифов и легенд Древней Греции» Куна и «Глиняных книг» Липина и Белова я уже годам к восьми-девяти перебрался к Светонию и Плутарху, Тациту и Томасу Мелори. Возраст изучения истории совпал у меня, таким образом, с возрастом, проходящим под знаком вечного вопроса «почему?».

Почему греки напали на Троию?! В восемь лет версия «из-за женщины» совершенно меня не удовлетворяла. Почему Гильгамеш отправился на борьбу с Хумбабой? Отчего развалился Древний Рим? Что является причиной исламской экспансии и ее успеха? С какой стати средневековая нищая и раздробленная Европа сперва рождает крестовые походы, а потом, едва не погибнув в очередной эпидемии чумы, взлетает к высотам прогресса технического и (через катастрофу начала XX века) прогресса гуманитарного?

Книги не давали ответа. Детские книги по истории были призваны развлекать; более взрослые книги, как плохой чат бот, на все мои вопросы сообщали, что причиной исторических событий была классовая борьба. Этот ответ устраивал в советское время всех историков, но меня он устроить не мог – в конце концов, какие классы боролись в троянской войне или во время крестовых походов – и, главное, за что?

Прозрение наступило примерно в шестом классе. У нас была прекрасная учительница истории – Ольга Ивановна (к стыду своему, фамилию я не помню). На уроке мы говорили о крестовых походах. В учебнике рутинно рассказывалось о церкви, которая подбивала знать на походы. Зачем? Почему именно в это время? Как и что объединяло враждующих феодалов, которые вместе отправлялись на Восток? Почему этого не случилось за сотни лет до того и не случилось потом? После урока я задал все эти вопросы учительнице. Она посмотрела на меня и вдруг сказала: «Это не то, что ты должен отвечать на уроке. Но у крестовых походов была главная причина: система наследования земли оставляла основное наследство старшему сыну феодала. В Европе очень быстро формировался избыток безземельных дворян – они не могли в соответствии с нормами того времени превратиться в зависимых крестьян или стать ремесленниками; они не могли прокормить себя; они были опасны для землевладельцев и земледельцев; они были обучены сражаться и готовы это делать. Это – чистая экономика». «Что такое экономика?» – спросил я. «Это наука о том, что люди делают», – ответила она.

Я ощущал себя пророком, получившим откровение. Достаточно быстро я уверил себя в том, что всё, происходящее в мире людей, определяется экономикой (я и сегодня так считаю, но всё же признаю влияние и других факторов, тогда же я в течение нескольких лет был фанатиком экономического бога). Фраза Троцкого: «Везде, где вы слышите спор о политике, ищите спор о бифштексах» – явилась эпиграфом к моим последующим изысканиям.

Я, как Гамлет Высоцкого, «зарылся в книги», но уже другие. Из тех скудных источников, что существовали в эпоху развитого социализма, я вытащил для себя множество ответов. Ока-

залось, что Трою и Малую Азию погубило появление железа; Гильгамеш отправился в Ливанские горы за древесиной кедра, а легенда о нем – это первая хроника создания торгового пути; Древний Рим погубило развитие колоний; в основе успеха исламской экспансии лежал резкий рост безопасности торговых путей.

Время шло, и вместе с ним подходила к концу короткая эра экономического эксперимента под названием Советский Союз. Я заканчивал школу, когда колосс на глиняных ногах вовсю трещал по швам и осыпался кусками. С высоких трибун говорили о новых успехах, съезд КПСС транслировался по всем каналам тогдашнего куцевого советского телевидения, а общество уже жило нищетой и дефицитом. Инженеров гоняли на овощебазы, отрывая от разработки новой техники, студенты учились меньше, потому что проводили месяцы «на картошке» и в «стройотрядах», провинция ездила в Москву за колбасой (и часто возвращалась без нее). В самой Москве слово «выбросили» означало «завезли на продажу в магазин», «достать» заменило «купить», а банан, туалетную бумагу и кривые сапоги фабрики «Октябрь» объединяло одно – многочасовая, часто со стоянием «в ночь» и записью очередь. Наверное, именно в те годы меня заинтересовала механика экономической катастрофы – как гибнет государство, нация, культура? Что происходит с великими странами и народами?

Много лет в качестве «хобби», и в том числе с целью лучше понять механизмы разрушения вчера еще успешных обществ, я изучал исторические «анекдоты» и задавался вопросами – чего не хватает в стандартных исторических книгах, авторы которых так любят отвечать на вопросы «что» и «как», но часто очень поверхностно относятся к вопросам «почему». Я всерьез занялся проблемой так называемого «ресурсного проклятия» – это было мне тем более интересно, что именно в истории России (от Киевской Руси до наших дней) легко найти следы тяжелых последствий «ресурсных периодов».

В древнем мире возникающие идеи были достоянием небольшой группы единомышленников, а стратегические решения принимались узким кругом сверхэлит. Еще 100 лет назад ничего лучше печати газет в типографии и перевозки их по стране не существовало. Доминирование религиозных институтов и господство мифологического, «волшебного» мирознания способствовало продвижению крайностей: подавляющее большинство членов общества сверху донизу было невосприимчиво к новым идеям или вдруг – подвержено заражению вирусом новой идеи, столь же «волшебной», как и прежние. Пролиферация новых концепций, если только они не были обернуты в старую мифологическую упаковку, была крайне затруднена как технически, так и психологически. Но мир меняется. Сегодня интернет и социальные сети сделали передачу информации и идей невероятно простой и эффективной, а общественная психология выглядит (по крайней мере, в странах «европейского» менталитета) в значительной степени очищенной от архаичных догм. Подавляющее большинство людей в современном мире заканчивает школы, в развитых странах в их программы входит достаточно предметов, развивающих критическое мышление.

В XXI веке катастрофа, вызванная ригидностью общества, – уже не страшная неизбежность, заложенная в природе людей, а непростительная ошибка и вина власти, оказавшейся глухой к предупреждениям, и/или проблема элит, получающих собственные краткосрочные выгоды ценой гибели социума. И конечно, это вина профессиональных специалистов по экономике и социологии, не сумевших донести информацию об угрозах до широких слоев общества так, чтобы общество это услышало.

В написании этой книги я вижу свою корыстную цель. Россия дважды в конце XX – начале XXI века и трижды за 100 лет пережила глубочайший общественный и экономический кризис, непосредственно связанный с «влиянием ресурса» и неспособностью общества адекватно реагировать на изменения. Эта «нисходящая спираль» социальных процессов приводит к беспрецедентному оттоку капитала – и финансового, и, что значительно важнее, человеческого. Чем больше страна отстает в развитии от лидеров современного мира, тем меньше в ней

остаётся задействованного таланта, тем менее эффективно используется даже тот интеллектуальный потенциал, что пока активен и остаётся в стране. Слабая монопродуктовая экономика, централизация экономических отношений с бюджетом как вечным посредником во всех транзакциях разрушают естественные региональные и социальные связи. С большой вероятностью эти процессы ведут к закату некогда значительной русской культуры и существенному сокращению России – территориально и экономически.

Глядя на происходящее в России сегодня, я легко (взглядом экономиста и бизнесмена) угадываю за нынешними событиями призрак будущего упадка, разложения социума и распада страны, которая когда-то породила великую литературу и науку, вписала несколько ярких и значимых страниц в мировую историю. Я не хочу, чтобы потомки тех, кто сегодня говорит по-русски и владеет паспортом с двуглавым орлом, уже забывшие русский язык и живущие либо в более успешных странах Востока и Запада, либо в мелких периферийных сатрапиях, бывших когда-то частью самой большой по площади (но далеко не самой счастливой или богатой) страны мира, поставили меня в исторической ретроспективе в один ряд с теми, кто знал о проблеме, но не попытался сделать всё, чтобы предотвратить катастрофу. Я надеюсь, что опыт угаснувших цивилизаций, разрушенных обществ, поверженных империй, спроецированный на реальность современной России и собранный в этой книге, поможет читателям осознать механизмы такого разрушения и принципы его предотвращения.

Андрей Мовчан

Экономика как предостережение

С самого детства я испытывал огромный интерес к истории и международной политике: всё из-за семейной среды, папа – историк, а мама – экономист. В детстве я учился читать по книжкам про русских царей, Крестовые походы и русско-турецкие войны, а на семейных посиделках, к моему великому неудовольствию, все родственники захлеб обсуждали какой-то непонятный «Газпром», прогнозы развития российской энергетики и мировой экономической кризис. Выстрелил такой бэкграунд очень неожиданно. Лет в 10, когда я получил доступ к Интернету, на волне вполне естественного мальчишеского интереса к современному российскому оружию я стал читать различные статьи про холодную войну, современную историю и геополитику – оказалось, что изучать хитросплетенные политические интриги, современные международные конфликты и войны до ужаса интересно.

Больше всего мне нравилось читать про диктатуры и авторитарные режимы – Северную Корею с ее ракетами, парадами и увешанными медалями генералами, саддамовский Ирак, вторгавшийся в сопредельные страны и затем стремительно терпящий поражение от армий более развитых стран, про нелепого толстого Уго Чавеса в малиновом берете и его абсолютно тогда мне непонятный боливаризм, злобного суданского диктатора Омара аль Башира и Иран с его ядерной программой, бородатыми бойцами КСИР в очках-авиаторах и суровым седовласым национальным лидером в чалме. Почему-то с самого начала интерес у меня вызывали именно наиболее авторитарные режимы и правители. В то же время, стремительная авторитарная трансформация российского режима почему-то долгое время мною не замечалась.

В 2012 году, после событий на Болотной и «закручивания гаек», я стал время от времени читать материалы и про Россию. Через два года, когда начался украинский кризис, стало понятно, что российский режим был недооценен мною как объект для исследования очень и очень напрасно. С тех пор я стал активно следить за всеми политическими новостями России и мира, а также изучать историю СССР и новейшей России. Оказалось, что я живу почти в такой же авторитарной стране, как и те, которые я так любил изучать. Эта мысль почему-то

не вызывала ни страха, ни негодования – наоборот, возник неподдельный исследовательский интерес к непосредственно окружающей меня социально-политической реальности.

Хотя история и политология увлекли меня, я игнорировал экономику, полную скучных цифр (их и на ненавистной алгебре в школе с головой хватало), непонятных слов и каких-то непостижимых уму явлений вроде сальдо торгового баланса и паритета покупательской способности. Так продолжалось до тех пор, пока однажды мне не попала статья Андрея Мовчана «Коротко о главном: российская экономика в XXI веке», которая захватила меня с головой. Мрачные прогнозы, помноженные на общую тревогу и грозу за окном, произвели сильное впечатление. Оказалось, что экономика, если ее правильно подать и объяснить, является на редкость интересной штукой, причем непосредственно связанной и с историей, и с политологией. Именно тогда я начал понимать, что многие проблемы как России, так и других изучаемых мною авторитарных режимов, связаны не только с социальными и политическими причинами, но и с экономикой – в первую очередь, с таким явлением, как «ресурсное проклятие».

Оказалось, что очень часто именно из-за избытка природных ресурсов в разных странах к власти приходят режимы, элиты которых стремятся присвоить себе как можно больше получаемых от распределения и продажи ресурсов средств, а за счет того, что присвоить не получается, поддерживать лояльность подданных, чтобы оставаться у власти как можно дольше. Выяснилось, что именно в таких странах имеют свойство просыпаться имперские амбиции, милитаризм, идеи исключительности, строятся жесткие административные конструкции управления. В итоге такие режимы после истощения ресурса терпели экономический крах и после масштабных потрясений физически погибали – часто вместе со всем государством. Очень редкие страны, которым повезло с ресурсами, могли справиться с этим бременем, построив диверсифицированную экономику.

Надеюсь, что эта книга позволит многим людям, которые (как и я в свое время) не придают должного внимания влиянию экономики на социально-политические катаклизмы, изменить свое отношение, увидеть цену такого пренебрежения, заплаченную миллионами людей в разных государствах разных эпох. Возможно, именно благодаря росту этого понимания в среде наших соотечественников экономика России однажды начнет меняться.

Алексей Митров

Благодарности

Эта книга – результат работы многих людей, занимавшихся и занимающихся феноменом экономических кризисов и, в частности, «ресурсного проклятия». Нам, в сущности, довелось только собрать в нее различные факты и мысли, уже открытые, исследованные, разработанные другими, и добавить немного своих рассуждений.

В изучение феномена «ресурсного проклятия» и вообще экономических кризисов и влияния нишевых адаптаций общества на их развитие внесли вклад многие ученые. Старт активному изучению темы был дан в конце 1980-х годов, когда Алан Гельба выпустил свое исследование, показывавшее, что богатые нефтью экономики, прошедшие нефтяные бумы 1970-х годов, росли медленнее, чем развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, не имевшие ресурсов. Профессор университета Ланкастера Ричард Аути в 1993 году опубликовал работу *Sustaining Development in Mineral Economies: Resource curse thesis*, с анализом последствий ценовых шоков на рынках минеральных ресурсов. В 1995 году вышло исследование Джеффри Сакса и Эндрю Уорнера. Данные, приведенные в нем, показывали, что в период между 1971 и 1989 годом экономики стран с высокой экспортной долей добычи минеральных ресурсов росли в среднем медленнее остальных.

В конце XX – начале XXI века бурное развитие стран, обладающих значительными запасами нефти и газа, наложилось на период существенных проблем в угольной отрасли и совпало с активным развитием экономик, которые могли предложить миру дешевый трудовой ресурс. Одновременно экономисты могли наблюдать три феномена: ресурсный бум, кризис дезадаптации, вызванный изменением конъюнктуры, и формирование неконвенционального ресурса и его влияние на экономику. Для специалистов это было как для астрономов схождение трех планет в объективе телескопа – не только познавательно, но и захватывающе. Темой занимались (и занимаются) десятки высококлассных специалистов, имена которых легко найти в интернете, а работы стоят изучения – к чему мы и призываем тех читателей, которые захотят покопаться в деталях экономических процессов, стоящих за «проклятием ригидности» и ресурсными искажениями, на уровне более глубоком, чем уровень этой книги, написанной скорее чтобы развлечь, чем чтобы решить научную задачу.

Нефтезависимые экономики были темой работы, проделанной в Московском Центре Карнеги (части глобального фонда Карнеги) сотрудниками и контрибьюторами экономической программы под руководством Андрея Мовчана в 2015–2018 годах. В рамках гранта, предоставленного Министерством иностранных дел и по делам Содружества (Великобритания), они активно анализировали состояние нефтезависимых экономик и влияние на уровень их диверсификации различных факторов институционального и частного типа ¹. Значительная часть информации по нефтезависимым экономикам, представленным в этой книге, собрана в рамках той работы, так что авторам книги пришлось лишь проанализировать новые данные (за три прошедших года) и добавить некоторые идеи и мысли. Отдельную и очень большую благодарность за выдающуюся проделанную работу и великолепные результаты хочется выразить Александру Зотину, Владимиру Григорьеву, Вите Спивак, Юлии Ковалевой – членам команды экономической программы Карнеги в те годы и полноправным соавторам упомянутой работы. Александр Зотин много писал для «Коммерсанта» и других изданий – в том числе великолепных статей про развивающиеся экономики. Его статьи об Иране, Венесуэле, Аргентине, Мексике и других странах широко используются нами в книге – отдельное спасибо Александру

¹ Сравнительная история нефтезависимых экономик конца XX – начала XXI века. URL: <http://carnegie.ru/2017/03/22/pub-68340>

за его работы, демонстрирующие прекрасное знание и понимание материала, зоркий глаз и «чувство» экономики.

Центр Карнеги дал этой книге много больше, чем просто результаты одной программы. Многие из идей, изложенных в книге, рождались и обсуждались в стенах офиса центра на Тверской, на круглых столах, собиравшихся Андреем Мовчаном под эгидой центра и привлекавших лучших специалистов к обсуждению важных экономических вопросов, на ежегодных конференциях в школе «Сколково», которые проводил Центр Карнеги. Большое спасибо Дмитрию Тренину за ценнейшие идеи и мысли, точные критические замечания и мудрость; Александру Баунову и Максиму Саморукову – за прекрасную редактуру материалов; Александру Габуеву и Андрею Колесникову – за обсуждения, новые свежие идеи и море информации; Татьяне Барбановой, Светлане Туган-Барановской – за великолепную логику процесса, помощь в продвижении материалов и просто совместную работу. Спасибо Тому Дево и Эндрю Вайсу, которые тесно сотрудничали с экономической программой и не только помогали с переводами и редактурой, но и соединяли московскую группу с открытым научным миром развитых стран.

Отдельная благодарность должна быть выражена Елене Чирковой – профессору ВШЭ, известному и опытному инвестиционному банкиру, которая в свое время проделала большую работу по анализу влияния институтов на феномен ресурсного проклятия. Ее скрупулезность и масштабность анализа невозможно переоценить, и авторы этой книги не только обращаются к ее работам и выводам, но и с благодарностью использовали ее грандиозный список литературы по теме.

Четыре главы этой книги изначально вышли в виде статей Андрея Мовчана на портале «Сноб» – тогда у нас еще не было планов писать эту книгу. Спасибо «Снобу» за то, что согласился печатать наши материалы.

Этой книги бы не было, если бы сотрудники издательства «АСТ» сперва не убедили нас писать книгу (а это было не просто – времени всегда мало), а потом не сделали за нас половину работы, дав себе труд редактировать наши тексты. Спасибо!

Отдельное спасибо хочется сказать нашим читателям и зрителям – в ФБ, на страницах сайтов и каналов, в журналах. Ваши вопросы и реплики, комментарии и письма часто давали не только темы, но и интересные и важные факты, мысли и инсайты. Вы – полноправные соавторы этой книги.

Было бы несправедливо обойти своей благодарностью политиков, идеологов, чиновников всех времен и народов – тех, кто верит (или притворяется, что верит) в возможность административными методами сделать жизнь лучше, а экономики – здоровее и сильнее. Экономический мир, так же как и биологический, требует от своих участников эффективной адаптации к изменяющимся условиям – и человечество путем многотысячелетних поисков и метаний выработало универсальный механизм такой адаптации: систему, состоящую из комбинации свободного рынка и трех независимых ветвей власти, скрепленную развитым на основе римского права институтом законодательства. Эта система доказала свою высокую эффективность и робастность. Однако и в древности (когда она еще не была изобретена), и сегодня (когда она изобретена, описана, построена во множестве мест и в некоторых даже работает) находилось и находится множество высоколобых мыслителей (а также прирожденных вождей с покатым лбом, но выдающейся нижней челюстью), которые пытаются доказать, что естественную систему адаптации надо ограничить, улучшить, загнать в рамки «командно-административной вертикали» или «социального государства» (в сущности это просто разные названия для одного и того же – мертвой системы, выкачивающей соки из экономики – в первом случае в пользу небольшой элиты, во втором – в пользу разрастающегося слоя бюрократов). Если бы не они, не было бы смысла писать эту книгу, и она бы не появилась.

В не меньшей степени эта книга появилась благодаря политикам и экономистам совершенно обратного рода – апологетам идеального либерализма и свободной конкуренции, уве-

ренным, что экономике надо не мешать, и всё у нее получится. О, если бы это было так, мир был бы куда лучше. Однако в реальности большинство экономических «проклятий» развивались и реализовывались по вполне естественным причинам; таких примеров искусственного «проклятия», как Венесуэла, сравнительно немного. Избыточное администрирование, перекосы, протекционизм, этатизм и кумовство, коррупция и прочие грехи «регулируемых экономик», о которых так много и так горячо говорят сторонники идеального либерализма, появляются не потому, что в свободное общество проникли марсиане и поработили его: именно недостатки «дикого» рынка заставляют общество (которое всегда достаточно близоруко и готово променять стратегические преимущества на сиюминутную иллюзию выгоды или даже просто спокойствия) устремиться в объятия «регуляторов». По иронии общественной природы свободный рынок остается свободным, только если его в достаточной мере регулировать: в противном случае он быстро превращается в олигополистический (как внутри одной индустрии, так и в межиндустриальном смысле). Столь любимый идеальными либералами механизм репутации на практике крайне слаб из-за элементарной некомпетентности потребителей. Куда сильнее изначально порочный (потому как совершенно развязывает между собой аспекты потребительской ценности и качества, с одной стороны, и цену – с другой) механизм маркетинга и рекламы – без регулирования качества товаров и услуг рынок легко «впадает» в заблуждения, чреватые серьезным вредом для потребителей и общества в целом. Известный тезис адептов свободного рынка о большей выгоде продолжительного бизнеса (суть его в том, что экономическому агенту выгоднее многократно честно заработать на своем товаре, чем один раз украсть деньги и закрыть бизнес) на практике далеко не всегда верен: не только управляющему активами, который в год зарабатывает 1 % от суммы под управлением, выгоднее один раз украсть все деньги и сбежать на острова Карибского моря, чем 99 лет честно работать; даже девелоперу, который строит дома, достаточно быстро становится выгоднее пустить получаемые кредиты и предоплаты на свои оффшорные счета (или в биткоины), чем честно строить свои объекты, не будучи уверенным в их последующей успешной реализации, и выплачивать проценты банкам (мы в России наблюдали решение этой дилеммы на практике – когда многие управляющие, банкиры и девелоперы бежали из страны, оставляя клиентов, будь то обманутые дольщики или вкладчики, ни с чем). Без жесткого контроля за целевым использованием средств, без независимых оценщиков и администраторов, без внедренных на уровне государства норм защиты клиентов рынок быстро превращается в хаос.

Истина, как обычно бывает в человеческом обществе, посередине. Успешно адаптируются и трансформируются только те общества и страны, в которых высокая степень экономической свободы защищена и от «активизма» чиновников, и от доминирования отдельных игроков; где широкие возможности сочетаются с эффективным регулированием, лучше всего – с развитой системой саморегулирования рынков; где минимальная бюрократия уживается с совершенной системой защиты прав конечных потребителей.

Разумеется, в реальном мире не было и нет идеальных моделей, описанных в предыдущем абзаце. Мы можем говорить лишь о более или менее близких к ним вариантах. XX и XXI век дают нам повод для оптимизма – всё больше появляется примеров эффективной экономической политики. Их достаточно в традиционно успешных странах Запада – и, несмотря на это, в Европе как раз сегодня есть много поводов для беспокойства в связи с явным уклоном в социализацию экономической политики и бюрократизацию отношений, в то время как еще 30–70 лет назад казалось, что именно Европа будет флагманом развития сбалансированной экономики – период от Эрхарда до Бальцеровича был многообещающим. Их хватает и в США, где наряду с целым рядом экономических проблем, в частности связанных с той же социализацией государства или (и) с «бюджетной спиралью» – ростом бюджетных расходов, в большой части вызванным их ростом на предыдущих этапах, существуют и развиваются крайне эффективные практики. И, конечно, всё больше таких примеров появляется в «третьем

мире»: Южная Корея и Тайвань – отличные примеры того, как положительные практики могут преобразовать страны в короткий период времени, а Индонезия – отличный пример защиты от ресурсного «проклятия» с помощью таких практик. И для полноты картины Турция и Россия – два отличных примера того, как отступление от эффективных методов организации экономического пространства сводит на нет десятилетия прежних усилий. Закончить этот раздел (несмотря на пространные рассуждения выше, мы не забыли, что его название – «Благодарности») мы хотели бы выражением огромной признательности – теперь уже без иронии – тем политикам и общественным деятелям, которые в своей работе искренне и профессионально стремились и стремятся к достижению этого недостижимого идеала.

Глава 1. Эволюция

О трех причинах сложности преобразований в обществах, а также о том, почему человеческие общества подчиняются дарвиновским законам эволюции намного больше, чем можно было бы подумать

Учебники истории представляют тысячи лет человеческого пути от костра и каменного ножа до айфона и баллистической ракеты в виде увлекательного сказания о сменяющихся друг друга царях и героях. Приходят и уходят цари – приходят и уходят царства² – меняются названия, системы, культуры, как будто в бесконечном сериале (если учебник хорош) или как в бесконечном справочнике (если плох).

Этот калейдоскоп напоминает эволюцию жизни на Земле, в которой в борьбе за существование виды сменяют друг друга вследствие естественного отбора. Земля изменчива – меняется климат, материки движутся, вырастают горы, мелеют или, наоборот, разливаются реки и моря, и эти изменения вызывают расцвет и гибель тех или иных видов животных и растений – ведь их естественная изменчивость чаще всего не успевает за изменениями условий.

В человеческой же истории гибель или расцвет того или иного общества вследствие природного катаклизма крайне редки (и чаще всего, как история Атлантиды, придуманы потомками). Даже существенное изменение технологий происходит намного реже, чем смена экономических формаций, границ государств, взлетов и падений отдельных наций. Чаще всего тектонические сдвиги на политической карте Земли не сопровождаются ни изменениями природы, ни технологическими скачками – последние почти всегда являются следствием, а не причиной социальных изменений. Предпосылки общественных катастроф тоньше, но тем и интереснее.

Что вызвало взлет и упадок ахейской цивилизации? Почему 3000 лет назад в течение 100 лет погибла богатейшая городская цивилизация Малой Азии? Что привело к закату Древней Греции и поглощению ее Римом? Куда девалась непобедимая Золотая Орда? Почему Китай в XIV веке был мировым лидером, а в XIX веке – нищим придатком Европы? Что выбило почву из-под СССР? Почему Аргентина в течение XX века потеряла половину своей доли мирового ВВП? Отчего Венесуэла, которая была одной из богатейших стран Латинской Америки, превратилась в нищую страну-изгоя за то же время, за которое Сингапур из окраины бедной Малайзии превратился в мирового лидера по ВВП на человека? Фактически каждый век на каждом континенте происходили и происходят подобные, требующие ответов процессы.

Есть и более фундаментальный вопрос: почему развитие общества, изменения морали и этики идут с такой неровной скоростью? В реальности нет никакого «постоянного ускорения», о котором часто говорят: в истории есть периоды взрывного роста, века прозябания и сотни лет регресса; иногда десятки фундаментальных изменений укладываются в период в десятки лет, иногда они вообще не происходят тысячу лет. Несмотря на быструю пролиферацию новых идей, технологий и инноваций во все времена, мир не усваивает эти новшества равномерно,

² Вот примерно какая картина складывается в голове добросовестного школьника: древние племена (старейшины и вожди без имен), государства Междуречья (Ассархадон, Ашурбанипал), Египет (Рамзес), эллинистический мир (Менелай, Приам), крах медного века, Греция (Перикл), Рим (Цезарь), Китай (Шихуанди) и Индия (Будда), Священная империя франков (Карл), Византия (Михаил Палеолог), Халифат (Мухаммед), Кастилия и Арагон (Фердинанд и Изабелла), Священная Римская империя Германской нации (Оттон), викинги (Харальд), саксы (Артур), норманны (Вильгельм), Русь (Рюрик, Ярослав Мудрый), Орда (Бату-хан), Речь Посполита (Вышневецкий), Испания и Фландрия (Филипп II и Вильгельм Оранский), ацтеки и инки (Монтесума, Пачакути), Англия (Кромвель, Виктория), Российская империя (Петр I, Николай II), Франция Наполеона (Наполеон), США (Вашингтон), Османская империя (Мурад II), Латинская Америка (Боливар), Аргентина (Перон), Бразилия (Жетулиу Варгас), СССР (Ленин, Сталин), гитлеровская Германия (Гитлер), Мексика (Карденас), снова Китай (Мао Цзэдун), ЕС, Россия (Ельцин), Африка (Мандела и Ле Клерк), Азия (Сухарто), снова Россия (Путин).

не сохраняет свою общественную структуру, а история во многом состоит из катастроф одних обществ и взлетов других. Слишком часто народы и их вожди ничего не предпринимают каждый раз, когда государства движутся к краху; чаще всего они активно этому краху способствуют. Казалось бы, люди – не животные или растения, приспособляемость которых зависит целиком от случайных мутаций, – они могут принимать осознанные решения. Почему же прогресс так похож на природную эволюцию?

Ответ на этот вопрос не так уж и сложен. Несмотря на то что личности (цари и герои), как и инновации, играют значимую роль в формировании исторической конкретики, роль эта сводится чаще всего к выбору одного из немногих объективно доступных вариантов развития событий. И гораздо реже – к ускорению или замедлению, повышению или понижению эффективности процессов, которые идут в обществе в силу сложившихся исторических условий глобального характера. Военные успехи Франции в середине XIV века можно пытаться объяснить гением братьев Бюро, создавших артиллерию как отдельный род войск. Но производство пушек для армии Карла VII становится возможным благодаря объединенным финансовым и промышленным ресурсам Франции, а такое объединение (отчасти это следствие столетней войны, отчасти – продукт географического положения, отчасти – результат специфики, сформированной столетиями экономической структуры) уж точно не является ни заслугой короля, ни его маршалов артиллерии.

Рождение и развитие общественной формации

С точки зрения этих «стратегических» процессов, зависящих не от личностей, а от обстоятельств, и генерируемых не осознанной волей единиц, а бессознательной волей социумов, общества куда более близки к видам живых существ, чем кажется. Каждое общество (государство, блок и пр.) рождается и стабилизируется потому, что его формы (география, общественный строй, социальные особенности, экономический уклад) на момент его рождения и развития более или менее случайно оказываются эффективными – позволяют кормить себя, обеспечивать безопасность и объединять своих членов некими идеями. Среди таких идей исторически наиболее успешными были идеи конкуренции с другими обществами (национализм, корпоративизм, религиозная нетерпимость) и идеи превосходства, нередко развивавшиеся в идеи расширения жизненного пространства (шовинизм, агрессивные формы патриотизма).

Со временем развивающееся общество усложняется, углубляя и закрепляя свои преимущества перед конкурентами: общественный строй, социальная структура, экономика и экономическая специализация, идеологическая надстройка всё больше соответствуют условиям существования и параллельно становятся всё более «узкими», специализированными, и всё менее гибкими. Общество обрастает физическими системами – системой власти и силовыми структурами. Общество контролируется элитами и крупными стратами, научившимися получать выгоду от текущего положения вещей и не готовыми к переменам. Формируется «надстройка» в виде принятых идеологией религиозного и социального планов, «славной истории», традиций, наследуемых общественных психотравм, системы образования, передающей идеологии из поколения в поколение.

Иногда устройство общества оказывается «дефектным» – не выдерживает испытания временем, и накапливающиеся проблемы разрушают его изнутри без изменения ключевых условий, в которых это общество родилось. Но это бывает нечасто и, как правило, приводит к (болезненной или нет, быстрой или не очень) адаптации общества и исправлению «недостатков модели». Чаще же наступает момент, когда условия существования общества меняются: климат, соседи, демография, изменения уровня развития технологий делают общественную модель неэффективной. Но общество не может быстро и кардинально измениться – тому мешают как минимум три серьезных фактора.

Во-первых, изменения – результат несогласованных, но гармоничных действий множества общественных сил, каждая из которых преследует свои краткосрочные меркантильные цели.

Изменения общества не являются результатом гениального провидения мудрецов, узревших требуемые перемены и предлагающих пути адаптации. Недостаточно изменения условий и устаревания общественной модели – нужно еще чтобы цели, преследуемые общественными агентами, дали результирующий вектор усилий, направленный на позитивное изменение. В истории это случается, но не так часто. Вспомните хотя бы Древний Рим: кризис республиканской модели начался во II веке до нашей эры. Крупнейшие общественные агенты еще около 100 лет видели свою выгоду в примыкании к одной из двух политических партий и борьбе за ее доминирование – в результате 100 лет в Риме шла гражданская война, которая фактически блокировала любое развитие. Затем, благодаря цепочке случайностей, модель управления изменилась – и Рим пережил второй расцвет, только чтобы погибнуть через 500 лет из-за безнадёжного устаревания своей экономической системы.

Можно вспомнить и изменения социальные: уже ко второй половине XIX века промышленная революция требовала включения женщины в процесс производства как активного члена трудовых ресурсов, а такое включение было невозможно без существенного изменения объема прав женщин и сглаживания социальных различий между полами. Однако вплоть до начала XX века полиция в Англии забирала в участок женщин, появившихся на улице в брюках; до 1964 года женщины в США не могли без согласия мужа открыть счет в банке. Потребовалось более 100 лет, чтобы социум адаптировался к новой потребности. По иронии судьбы это произошло примерно в то время, когда резко растущая роль творческих профессий в экономике потребовала сделать с сексуальными меньшинствами (среди которых множество талантливых специалистов) то же, что было проделано с женщинами, – дать им равные права; но еще в середине 70-х годов XX века в той же Англии за гомосексуализм сажали в тюрьму.

Во-вторых, даже осознаваемые и желаемые большей частью общества изменения далеко не всегда являются благом для всех страт и всех классов общества, а потому вызывают сопротивление бенефициаров текущего статуса.

Изменения также могут предполагать риски, на них некоторые или все общественные агенты не готовы идти, не в последнюю очередь потому, что «привыкли» к статус-кво, и он воспринимается ими как безрисковый. Хуже того – на «кривой полезности» у таких общественных агентов могут легко находиться «локальные максимумы», расположенные совсем в другой стороне по сравнению с направлением на требуемые перемены. Здесь можно вспомнить сопротивление поместных дворян наступлению эры промышленного производства в Европе (а с другой стороны этому процессу мешали луддиты, которые также страдали от новых форм экономики). Можно говорить и о более новых явлениях: почему новоиспеченные олигархи в России начала 90-х годов под руководством вчерашних руководителей КПСС и КГБ предпочли не строить новую эффективную экономику, а разворовывать имевшиеся активы, получать рентный доход и выводить средства за рубеж? Было ли это эффективно с точки зрения страны? Конечно, нет. Было ли это эффективно с точки зрения нескольких сотен семей, получивших такую возможность? Конечно, да. Почему «желтые жилеты» во Франции в 2018 году протестовали против роста налогов на топливо – разве они не хотели бы сделать свои города чище, а зависимость от поставок углеводородов меньше? Наверняка хотели бы, но не за свой счет: их «локальный максимум» – низкие налоги, вне зависимости от экологии.

Наконец, в-третьих, если рождение и расцвет общества хорошо видны современникам, то его умирание, как правило, можно увидеть и оценить лишь в исторической перспективе.

Для жителя Римской империи начала V века не было очевидно, что Империи пришел конец. (Это, кстати, не было очевидно даже спустя века – в 800 году Римской империи не существует уже 250 лет, но Карл Великий коронуется именно как Римский император и в Риме). Для жителя СССР 1985 года не было очевидно, что коммунистическому эксперименту осталось жить пять лет, так же, как для жителя России 2019 года не очевидно, что попытка реставрации Российской империи обречена на провал и продолжение развала страны. В то время как общество и/или государство умирает, власть, элиты, влиятельные страты и население зачастую этого не замечают. Власти происходящее кажется «временными трудностями» или «кознями врагов». Элиты и состоятельные классы ищут свои выгоды или до конца держатся за теряемые преимущества, конкурируя между собой за сокращающийся кусок пирога. Население же живет вне размышлений о судьбах страны – простые люди решают текущие вопросы и склонны больше верить власти и своим привычкам, чем немногочисленным специалистам, предупреждающим о внутренней опасности.

Трансформация или смерть

На первый взгляд, человек разительно отличается от животного способностью к абстрактному мышлению, осознанию себя и реальности, возможностью делать теоретические построения и конструировать новые решения, в том числе в социальном плане. Но на практике конкретное человеческое общество сильно напоминает популяцию животных – например, стаю волков. Разве что из-за способности людей гибко менять свое поведение, события в социальном мире происходят намного быстрее и индивидуальная приспособляемость человека несравнимо выше.

Стая волков обладает ограниченным набором поведенческих возможностей, они выработаны тысячелетиями отбора и оптимальны для конкретных условий существования. Когда условия меняются (например, сокращается количество пищи или у волков появляется враг – такой, как человек), волки не могут ни стать травоядными, ни вооружиться ружьями – они на данной территории вымирают. Отдельный человек способен менять тип питания, стиль поведения, вооружиться и даже нанять (лично или совместно, за налоги) вооруженную охрану. Но человеческое общество, идеально приспособленное к существованию в определенном месте и времени, в какой-то момент, сталкиваясь с изменением условий, оказывается не способно измениться так же, как стая волков, – и вынуждено умереть как система, дав дорогу новой общественной формации. Примеры – вся история: Римская империя, пострадавшая от развития колоний (глава 4); Киевская Русь, потерявшая сбыт своего основного товара (глава 5); Орда, чье единство держалось на завоеваниях; Испания в момент, когда иссяк поток золота из Латинской Америки (глава 9); Китай, процветавший благодаря отсутствию конкуренции (глава 6); СССР в момент падения цен на нефть.

Катастрофы обществ происходят часто, но не всегда. История знает примеры знаменательных трансформаций, страны, которые победили обстоятельства и, изменившись, не только сохранили свои позиции, но и укрепили их. Это происходило тогда, когда сплоченные в главном, пусть и конкурирующие во второстепенном, элиты и значимые страты общества смогли воспринять необходимость изменений, их реальное направление и создать необходимый консенсус для реформирования. В этом (всегда трудном) процессе им помогало знание истории – успехов и неудач их предшественников.

Глава 2. Портрет краха в интерьере

О том, как выглядит жизненный цикл общества, что приводит общество к смерти, а также о ресурсе как одной из движущих сил умирания общества

Жизненный цикл обществ, которые чаще всего объединяются внутри определенных границ и потому называются «странами» (хотя границы имеют свойство часто изменяться, а сообщества – сохраняться, и потому такое название условно), отдаленно напоминает жизненный цикл человека или животного³. Новое государство (новое общество) рождается чаще всего в муках и первое время достаточно беспомощно и хаотично пробует себя в этом мире. Затем, если пробы были успешны и страна научилась «стоять на ногах», наступает период подростковой экспансии, сопряженный, как правило, с конфликтом со всем окружающим миром. Он заканчивается успехом, если общество находит свою экономико-политическую нишу на нашей Земле и приходит в некоторое равновесие. Со временем страна дряхлеет. Она может породить новые страны, распасться на части, переродиться и дать жизнь новой общности или вообще исчезнуть.

Иногда страны доживают до своей «естественной смерти» – этнос, формировавший и поддерживавший идентичность общества, составляющего страну, стареет или изменяется настолько, что сила, стремящаяся к поддержанию обособленности общества, иссякает. Процесс «умирания» может идти веками, и еще веками после «смерти» страна и общество будут выглядеть почти как живые – по крайней мере, для современников. Но «естественная смерть» для страны, как и для человека, – вещь крайне редкая.

Часто страна не доживает до дряхлости (и даже до зрелости) – в результате короткого катаклизма она исчезает, в большинстве случаев – проглоченная другими. Гибель Помпеи в извержении вулкана и гибель Дакии под ударами римских войск, ведомых Траяном, – события одного рода: пострадавшие если и могли их предвидеть, то точно не могли предотвратить. Эти «несчастные случаи» любимы писателями и драматургами, но они – не предмет данной книги.

Большинство же стран умирает в результате «болезни». Как уже сказано выше, общественные процессы в стране становятся патологическими и приводят сперва к потере конкурентных преимуществ, потом – к сокращению человеческого потенциала, наконец – к разрушению системы управления и перерождению ее из прогрессивной в реакционную, сдерживающую развитие. Страна, как больное животное, либо теряет способность эффективно «питаться», то есть производить достаточно продукта, либо становится жертвой хищника. На первый взгляд, однако, в этом описании есть существенное несоответствие логике: действительно, почему общественные процессы вдруг становятся так деструктивны? Почему общество не отбрасывает подобные конструкции, как природа отсеивает негативные мутации?

Ответ прост. Это происходит тогда и там, где временно возникающие (рукотворные или случайные) обстоятельства придают патологическим процессам в обществе устойчивость. Когда такие процессы приобретают устойчивость? Когда формируется значительная масса людей, в этих процессах заинтересованных, и обеспечивается хотя бы временное, на период становления, «обезболивание» этих процессов для основной массы населения.

Самый простой пример такой ситуации носит название «ресурсное благословение». Однако завершающий его этап называется куда печальнее – «ресурсное проклятие». Представьте себе общество, которое существует в какой-то, на тот момент успешной, модели. Будь то племя кочевых монголов, клан шотландцев, бюрократическая иерархия китайской импе-

³ Надо заметить, что общественное устройство вообще в достаточной мере фрактально, и законы природы, применимые к индивидууму, часто оказываются подобны тем, что применимы к группам, обществам и союзам государств.

рии, Дикое Поле, австро-венгерская империя или современный Люксембург – модели могут быть разными, главное, что они прошли проверку временем и работают «там и тогда». В этом обществе сложились экономические отношения: есть устоявшиеся источники общественного богатства, есть пирамида распределения, есть системы сдержек и взаимовыгодного сотрудничества с другими обществами. Страна существует и, похоже, будет существовать еще долго, если только не произойдет какого-то макрокатаклизма.

Но вдруг обнаруживается (или в результате масштабной работы нескольких поколений получается), что в стране возник совершенно новый источник богатства. Это не обязательно огромная золотая жила или залежи нефти, хотя именно нефть и газ в качестве такого источника наиболее нам интересны, так как именно они последние 50–60 лет работают «ресурсом» в России. Таким источником могут быть земля, полезные ископаемые, население. Это не обязательно физические активы – это может быть контроль над территорией или транспортной артерией, технология, обладание контролем и/или распоряжение некоей общепринятой мифологемой-абстракцией или консенсусным правом. Чтобы такой источник стал «ресурсным благословением/проклятием», он должен обладать пятью важными свойствами:

- он не должен быть маргинальным, то есть генерируемое им богатство должно быть настолько значительным, чтобы обеспечить кардинальное изменение «экономического расклада», а его прибыльность должна значительно превышать среднюю историческую прибыльность традиционных экономических отраслей;
- он должен казаться достаточно долгосрочным (от разового приобретения богатства общественная жизнь не поменяется), но не быть вечным;
- он должен выделять это общество/страну из ряда других (иначе общий рост благосостояния в мире не создаст предпосылок для изменений внутри обретших такой рог изобилия стран);
- он должен быть «приватизируемым» или хотя бы результат его функционирования, созданное богатство, должно быть потенциально приватизируемо; плоды его существования не должны в обязательном порядке распределяться всем членам общества поровну;
- в-пятых, источник должен быть конечным и «бесплодным» – он не должен порождать источники «нового поколения», обеспечивая прогресс и преемственность, расширяя базу вовлеченных в его производство и распределение, мотивируя на комплексное развитие страны.

В результате появления подобного источника в стране начинается конкурентная борьба за доступ к богатству, которое этот источник генерирует. Почти всегда (о том, почему «почти» – чуть позже) такое общество ждет коренная перестройка внутренней иерархии в пользу сил, способных взять источник под контроль. Эти силы часто имеют мало общего с той элитой, на которой держалось общество ранее, и точно им требуются совершенно другие умения и навыки для управления обществом: если раньше элита должна была обеспечивать создание экономического продукта, то теперь она фокусируется на его распределении и охране от конкурентов.

В самом обществе тоже происходят существенные сдвиги: на рынке труда идет значительный переток в сферы, связанные с генерацией богатства от обретенного источника и с его «освоением» – потреблением теми, кто это богатство приватизирует.

Зависимость экономики от ресурса оставляет свой след в развитии человеческого капитала. Да и само понятие «развития» в данном конкретном случае следует поставить под вопрос. Профессиональная деятельность в ресурсном секторе, будь то добыча углеводородов или добыча других минералов, не способствует развитию человеческого потенциала и сравнительно не наукоемка. Так называемый эффект обучения в процессе деятельности (*learning by*

doing), который подчеркивает растущую профессионализацию занятых в секторе и повышение производительности, оказывается незначительным, когда речь идет о добыче углеводородов ⁴.

Капитал устремляется в том же направлении. Увеличившийся экспорт усиливает валюту государства и увеличивает издержки всех видов производства и бизнеса. Остальные отрасли обедняются и редуцируются. Богатство, создаваемое полученным ресурсом, используется для того, чтобы заменить продукт, «потерянный» в других отраслях, на импортный.

Население страны меняет свои рабочие приоритеты: все либо хотят работать в разработке ресурса, либо в его распределении, либо – в обслуживании первых двух групп. Количество участников процесса разработки ресурса естественным образом ограничено. Рост благосостояния элиты ведет к росту потребности в ее обслуживании, и поэтому какое-то время «ресурсное благословение» обеспечивает активный рост количества рабочих мест в областях, связанных с потреблением. Однако достаточно быстро этот показатель выходит на плато – самое роскошное потребление не требует слишком много рабочей силы. Основное давление трудовые ресурсы начинают оказывать на сектор распределения. Наиболее сильные, умные и наглые стремятся попасть в распределители, а то и заменить их. Элита отвечает усилением своего аппарата насилия – ей требуется больше «защитников», трудовые ресурсы абсорбируются и в эту систему, в которую начинает входить абnormally большое количество чиновников, контролеров и силовиков.

Наконец, всё большая доля трудовых ресурсов пополняет ряды «гринмейлеров» – будучи не нужными нигде, они полубессознательно ставят элите ультиматум: «или делись – или будем бунтовать». В другое время у элиты были бы существенные трудности с этими неприкаянными душами, поскольку, чтобы с ними чем-то поделиться, это что-то надо было бы у кого-то изъять. Возможно, ей пришлось бы идти на значительные изменения в общественном устройстве, чтобы убедить их не бунтовать. К счастью, источник «ресурсного благословения» генерирует достаточно средств, чтобы неприкаянные души были «куплены». Элита отвечает созданием массы бессмысленных и неэффективных рабочих мест (аппарат раздувается еще; гипертрофируется армия; все общественные функции становятся местом крайне неэффективных и очень трудозатратных процедур, к тому же добавляется множество ненужных функций) и раздачей натуральных благ (в виде контроля за ценами, системы распределения значимых товаров и услуг и пр.). В результате в большой части низового потребления устанавливается очень низкий стандарт качества и эффективности производства. Параллельно идет разрушение ранее гармоничных трудовых ресурсов, своего рода «развращение» их, отучение от самостоятельности, предпринимательства, живого поиска, стремления обрести профессионализм.

Борьба элиты за сохранение контроля над ресурсом выливается в усиление регуляции и сокращение пространства для свободной деятельности. Это приводит к оттоку человеческого капитала. Обычный же капитал, с избытком формируемый имеющимся ресурсом, так же начинает покидать страну – переоцененная валюта делает инвестиции в ней (кроме областей, связанных с ресурсом) невыгодными.

Постепенно в стране нарастает внутренняя напряженность – различные группы внутри элиты и вокруг элиты хотят передела ресурса и готовы при удобном случае совершить переворот. Если ресурса недостаточно много и с «покупкой» масс населения есть проблемы, этот переворот может опираться на широкие слои общества и вылиться в более или менее кровавую революцию – при этом результатом будет не оздоровление, а смена элиты. Если ресурса достаточно, то перевороты либо не будут случаться, либо будут «дворцовыми» и население не будет их толком замечать. Но каждый такой переворот будет ослаблять страну, разрушать систему управления, приводить к бегству капиталов и бизнеса.

⁴ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. – 2007. – Т. 6. – С. 8.

Цены на ресурс и спрос на него не будут постоянными. Волатильность ресурсных доходов будет создавать волатильность государственных финансов: в периоды благоденствия бюджеты будут раздуваться за счет огромных налоговых сборов и национализаций; в периоды сокращения цен правительства не будут иметь возможности так же резко сокращать бюджеты, и нересурсные дефициты будут оставаться огромными. Убежденные в долгосрочности ресурсного бума правительства будут балансировать бюджеты путем выпуска долга. При этом сверхдоходы от ресурсов будут гарантией платежеспособности правительств. Однако, когда бум сменится падением, расходы и долги государства станут проблемой. Зачастую ее решением окажется реструктуризация долга, означающая дальнейший его рост ⁵, но и дефолты, и даже жесткие сокращения бюджетов, ведущие к народным волнениям, будут не редки.

Неожиданные провалы в цене будут приводить к существенной волатильности в экономической жизни государства, если, конечно, его власти не будут проводить обычно непопулярную политику резервирования доходов от ресурса на случай колебаний его цены. Но и это в итоге не поможет. Рано или поздно эра ресурса подойдет к концу. Либо он просто закончится, либо спрос на него упадет, либо найдутся более дешевые и удачливые поставщики. Случится это неожиданно – никому в стране не захочется верить в конец эпохи ресурса. Авторов таких прогнозов, если они и будут, просто проигнорируют. К рубежу страна подойдет абсолютно не способной вернуться на нормальные экономические рельсы – власть будет искорежена и непродуктивна, трудовые ресурсы – развращены и депрофессионализированы, экономика перекошена, зависима от импорта и не способна произвести сравнимого в денежном выражении с объемом ранее производимого ресурса количества другого востребованного товара. Если размеры страны позволят – в ней начнутся центробежные процессы: каждый регион будет пытаться вылезти из пропасти на плечах соседей и собственным способом, связи порвутся, кое-где возникнут военные конфликты. Если стране повезет с соседством, она может стать сателлитом или даже частью своего успешного соседа. Если не повезет – страна может погрузиться в кровавый хаос, в котором осколки элит будут делить остатки бывшего богатства, а масса деклассированного населения, приученного к благоденствию за счет подачек элиты, будет драться под знаменами различных популистов, обещающих волшебством вернуть своим сподвижникам дармовой кусок хлеба с маслом.

Ресурс с научной точки зрения

Впервые на то, какое влияние оказывает ресурсное богатство на экономику, обратили внимание в послевоенное время, в 1950-е годы. Тогда все познания в области влияния ресурсов на экономику заканчивались тезисом о том, что наличие значительных запасов природных ресурсов создает конкурентное преимущество и экономики таких стран должны расти быстрее, чем в государствах, не обладающих сопоставимыми запасами ресурсов.

Однако в конце 1970-х годов на страницах британского еженедельника *The Economist* вышла статья, в которой отстаивалась новая идея. Журналисты обращали внимание на экономические последствия обнаружения углеводородов в Нидерландах. В 1959 году в стране были открыты значительные запасы газа, экспорт которого резко увеличил стоимость местной валюты. Для экспорта промышленных товаров это оказалось губительным: дорогой гульден сделал промышленную продукцию Нидерландов более дорогой на международном рынке, что привело к ухудшению положения промышленного сектора страны и спаду производства. В связи с тем, что добыча газа – это капиталоемкая и сравнительно не трудоемкая индустрия, добывающий сектор не создавал достаточное количество рабочих мест для предотвращения роста безработицы. В результате безработица в период 1970–1977 годов выросла с 1,1 до 5,1 %

⁵ *Ross M. The oil curse: how petroleum wealth shapes the development of nations. Princeton University Press. 2012.*

и до 17 % к 1984 году⁶. Эти два явления – эффект роста реального обменного курса и эффект перетока рабочей силы, способствовавшие упадку промышленности, получили с легкой руки журналистов название «голландской болезни». Это их наблюдение привлекло внимание целого ряда экономистов-исследователей к проблеме экономического развития в условиях ресурсного богатства.

В 1988 году Алан Гельба выпускает исследование, где отмечает, что богатые нефтью экономики, прошедшие через экономические бумы 1970-х годов, росли в долгосрочной перспективе медленнее, чем развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, не имевшие ресурсов.

Через пять лет возникает термин «ресурсное проклятие». Он обязан своим появлением профессору университета Ланкастера, специалисту по экономической географии Ричарду Аути. В 1993 году вышла его работа *Sustaining Development in Mineral Economies: Resource curse thesis*, где он анализирует последствия ценовых шоков на рынках минеральных ресурсов для экономик развивающихся стран. Автор исследует шесть стран – экспортеров неуглеводородных ресурсов: Чили, Перу (медь), Боливию (олово), Ямайку (боксит), а также Замбию и Папуа-Новую Гвинею (медь). Помимо «голландской болезни», автор на примере этих стран указал на другие риски ресурсного развития. После истощения минеральных ресурсов страны остаются без активов, которые обеспечат замену убывающим ресурсным доходам – никто не заботится о вложении средств, полученных из невозобновляемых источников, в другие индустрии. Даже если страна обладает огромными запасами ресурсов, на которые есть устойчивый спрос, всё равно остается опасность «маргинализации» добычи в случае нахождения более дешевого синтетического заменителя. Волатильность цен на ресурсы приводит к тому, что сектор сам по себе будет переживать постоянные подъемы и спады, а государство, полагающееся на доходы из ресурсного сектора, будет испытывать фискальную нестабильность.

В 1995 году вышло обзорное исследование Джеффри Сакса и Эндрю Уорнера, в котором исследователи отошли от разбора конкретных кейсов и анализировали развитие как ресурсных, так и нересурсных экономик мира. Эконометрический анализ показал, что в период между 1971 и 1989 годом экономики стран с высокой экспортной долей добычи минеральных ресурсов росли в среднем медленнее остальных. Таким образом, как на примере отдельных государств – экспортеров ресурсов, так и в межстрановом сравнении, к 1995 году в мире экономистов утвердилось эмпирическое доказательство негативного влияния ресурсной зависимости.

Наиболее влиятельная работа, посвященная этой теме, – книга Терри Линн Карл *Paradox of Plenty*. В книге дается подробный анализ стран – экспортеров нефти. К их числу относятся как страны, в которых отношение доказанных резервов к общему населению сравнительно невелико (Мексика, Алжир, Индонезия, Нигерия, Венесуэла, Иран, Тринидад-и-Тобаго, Эквадор, Оман, Габон, Сирия и Камерун), так и страны с огромными запасами, такие как Саудовская Аравия, Ливия, Кувейт, Катар и ОАЭ.

Автор работы выдвигает несколько интересных идей. Во-первых, в странах – экспортерах нефти и газа появляются социальные классы и группы, связанные напрямую с правительством страны и получающие ощутимую ресурсную ренту. Так, наблюдается сращивание интересов политической и экономической элит, сращивание капитала и власти. Эти группы заинтересованы в поддержании и усилении ресурсного вектора развития.

Во-вторых, зависимость от нефтегазовых доходов создает особую институциональную структуру государства – государство-рантье, которое занимается распределением ренты. Такое государство полагается на нефтедоллары при формировании бюджетной политики, что увеличивает публичный сектор и ослабляет государственные институты. В результате при появлении проблемы чиновники привыкают путать способность государства профинансировать решение

⁶ URL: https://www.aims.ca/site/media/aims/book_roadtogrowth_chapter3.pdf (дата обращения: 14.07.2020).

проблемы с искусством управлять государством. Это приводит к дальнейшему ухудшению государственного управления.

Тот факт, что большинство богатых ресурсами стран оказались авторитарными государствами, возбудил дискуссию о связи между ресурсным богатством и политическим режимом.

Большинство исследований, так или иначе, связали ресурсное богатство с уклоном в сторону авторитаризма и даже с авторитарными тенденциями в демократиях.

Усиление авторитарных тенденций в демократиях (самый цитируемый пример – Венесуэла с приходом Уго Чавеса) в целом подтверждается многими исследованиями и считается практически конвенциональным знанием. Но одна работа всё же бросила вызов этому утверждению. Тэд Даннинг, ее автор, считает, что ресурсная зависимость необязательно приводит к усилению авторитарных тенденций. Наоборот, существует демократический эффект ресурсной ренты в странах, которые отвечают двум условиям: первое – экономика страны воспроизводит достаточно высокий уровень неравенства, так что элиты, способные на авторитарный переворот или блокирующие демократизацию, должны считаться с потенциальным политическим запросом на перераспределение; второе – экономика менее зависима от ресурсов, то есть доля ресурсов в ВВП сравнительно невысока. Конечно, в демократическом режиме бедные слои населения склонны голосовать за такую налоговую политику, которая в большей степени способствует перераспределению ренты в их пользу, и, соответственно, элиты менее заинтересованы в поддержании демократии в таком случае, так как она становится для них слишком дорогой. Однако ресурсная рента и возможность ее перераспределения дает элитам возможность «подкупить» широкие слои деклассированного населения и использовать их в рамках демократического голосования в качестве мощной силы поддержки. Последнее часто толкает элиты, контролирующие ресурс, на создание симулякров демократии – «управляемые демократии», «суверенные демократии», в рамках которых власть путем монополизации системы пропаганды на деньги, полученные от ресурса, нейтрализации протестных частей элит и в процессе заигрывания с деклассированным большинством населения – теми самыми «гринмейлерами», добивается нужных ей результатов внешне демократических процедур.

Другой аспект – устойчивость авторитаризма в ресурсных экономиках – также в последнее время был несколько переосмыслен. Не только в целом режим, но даже и находящийся у власти авторитарный правитель, при условии контроля ресурсов с его стороны, оказался способен обеспечить пролонгацию своего правления благодаря двум нюансам. В руках политических лидеров в таких странах оказываются значительные средства, которые с успехом используются для финансирования различных государственных программ. Правильное управление рентными доходами (и правильное управление расходами) гарантирует поддержку слоев населения, наиболее зависимых от государства. В экономиках с доминирующим сектором добычи доля такого населения может быть очень большой. В такой системе хорошо работают механизмы кооптации потенциальной оппозиции в существующие сети распределения ренты. Большой государственный сектор – явный признак наличия таких сетей и определенная гарантия пролонгации существующего режима. Второй нюанс заключается в полной бесполезности любой законодательной системы в деле балансирования интересов разных групп и представителей элиты в ресурсном государстве: поскольку дискуссию ведут сами законодатели и обладатели значительных ресурсов, законодательство становится сервильным, и его начинают легко обходить. В этих условиях страны в большинстве своем мигрируют в сторону архаичной формы управления, в которой первое лицо становится своего рода «Великим Судьей», гарантом эффективного разрешения споров внутри элиты. Получая на это мандат, он параллельно получает неограниченные возможности ликвидировать любую угрозу своему правлению.

Однако есть и примеры развитых стран, на чье развитие ресурсное богатство не оказало значительного негативного эффекта. Это и Канада, и Австралия, и Норвегия. Нефтяные бумы

в Норвегии не приводили ни к «голландской болезни», ни к деформации демократических институтов и институтов государства в целом.

При межстрановом анализе оказалось, что именно развитые государственные институты оказались препятствием для потенциальных негативных последствий. Исследователи говорят об определенном пороге институционального развития, преодоление которого позволяет избежать «ресурсного проклятия». Один из предложенных механизмов указывает на различные издержки рентоориентированного поведения при различном уровне развития институтов. При высокой ренте ожидаемые доходы от рентоориентированного поведения увеличиваются. Если институты слабы и не пресекают рентоориентированного поведения (которое выливается в такие формы, как лоббирование, коррупция и нечестная конкуренция), то инвесторы вкладывают средства в дележ ренты, что негативно сказывается на экономическом росте. Наоборот, при сильных институтах риски рентоориентированного поведения превышают ожидаемую выгоду от борьбы за ренту, что заставляет инвесторов вкладывать в нересурсное производство, а это положительно влияет на экономический рост.

Особую роль в проявлении эффекта «ресурсного проклятия» играет степень концентрированности ресурса. При высокой концентрированности, как в случае нефти и газа, указанный механизм работает фактически «как часы». В случае, если речь идет о более распределенных ресурсах – древесина, водные ресурсы, рыбная ловля, – механизм может работать не так явно. По этой причине некоторые исследователи, основывавшие анализ не только на углеводородах, но и на распределенных ресурсах, приходили к выводам, что высокая доля ресурсов в экономике страны вполне может способствовать экономическому росту, и институты здесь не играют значимой роли. Этот эффект связан, видимо, с тем, что неспособность концентрировать ресурсный капитал в руках узкой элиты приводит к существенному росту конкуренции за власть и, как следствие, к позитивному естественному отбору как персоналий, так и подходов к управлению государством. Однако даже авторы этого наблюдения обращают внимание на небольшие отличия распределенных ресурсных экономик от концентрированных.

Другой подход к теме сформулировали Полин Джонс Луонг и Эрика Уайнтал. По их мнению, существенное влияние ресурсного богатства на экономическое состояние страны оказывает структура собственности в ресурсном секторе. К самым плохим последствиям приводит такая структура, где государство оказывается основным владельцем и при этом оно же в сильной степени ограничивает возможности частным компаниям (далее совместного предприятия государство не идет). Напротив, при доминировании частной собственности (как в России конца 1990-х и начала 2000-х годов) или даже государственной, но с большими правами частного сектора на разработку недр, негативное влияние ресурсного сектора на экономику смягчается. Надо заметить, что выводы эти, как часто бывает у современных экономистов, носят весьма спорный характер – не потому, что в них нет логики (более или менее очевидно, что частный сектор эффективнее государственного), а потому что исследование основано на анализе всего пяти стран постсоветского пространства: России, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана – это слишком малая и слишком зависимая выборка, чтобы делать выводы.

Наконец, есть и любопытные частные эффекты «ресурсного благословения». Некоторые исследователи говорят не только про консервацию патриархального строя в рентных экономиках, но и про механизмы, приводящие к развитию патриархальных отношений в ранее менее консервативных обществах при появлении «ресурса». Майкл Росс рисует следующую картину: в статус-кво мы имеем определенный уровень занятости как мужчин, так и женщин, а ресурсный сектор не находится в состоянии бума. Когда же происходит ресурсный бум, начинается переток рабочей силы из промышленности в сектор добычи (а это в основном мужская работа), в то время как женщины теряют работу в страдающем от падения конкурентоспособности про-

мышленном секторе. Соответственно, увеличивается доля женщин, занимающихся домохозяйством, что способствует развитию (восстановлению) патриархальных отношений.

Реальный мир, конечно, шире любого исследования, а проявления ресурсных зависимостей значительно более многообразны – как часто бывает в жизни, лучше изучать этот феномен на примерах. Научиться распознавать перспективы в дне сегодняшнем можно, только зная историю и сопоставляя текущие события с аналогами дней минувших. При этом надо оговориться – нет ничего более спорного, чем история, особенно древняя. Поэтому вместо «ученые доказали» воспринимать историческую информацию лучше под лозунгом «сказка ложь, да в ней намек» – даже (и именно) в такой интерпретации история учит лучше всего.

Глава 3. Исход из госэкономики

Об одной библейской легенде, сохранившей для нас первые описания краха государственной системы, и о том, почему и тысячи лет назад большое государство было проблемой для общества

Начать экскурс в историю придется со сказки, которой как минимум 2300 лет.

7000 лет до нашей эры, за две тысячи лет до того, как шумеры в Месопотамии начали строить свои первые города, в Северной Африке, вдоль русла реки Нил, начали возникать первые стационарные поселения. Их жители уже умели разводить скот и примитивно обрабатывать землю. Нил, как и реки Междуречья, в разливы выносил на свои низкие берега огромный объем ила, который является идеальным удобрением. На прибрежной территории отлично росли зерновые. Тростник, покрывавший густыми зарослями берега, был и топливом, и строительным материалом, и материалом для постройки лодок, плетения корзин и создания мебели. В пойме Нила жила масса животных (от крокодилов и бегемотов до различных копытных и птиц), на которых охотились местные жители.

К 3100 году до нашей эры (примерно на 800 лет раньше Саргона I в Месопотамии) Нармер (так же прозванный Менес) объединяет все поселения вдоль Нила и становится первым правителем («Фараоном») новой страны – Египта. Независимая Египетская цивилизация пройдет через множество преобразований, взлетов и падений, хаосы и моменты жесткой самоорганизации до VI века до нашей эры, когда войска Александра Македонского придут в Северную Африку. Как минимум трижды в истории Египет будет погружаться в периоды многовекового упадка – страна будет делиться на более или менее крупные части, управляемые местными (а подчас – пришлыми) правителями, а развитие цивилизации, монументальное строительство, создание литературных произведений будут прекращаться. Эти периоды в наше время называются «промежуточными», но тут есть одна неточность: последний, третий такой период закончился вместе с концом египетской истории. Когда эллинские войска вошли на территорию Египта, перед ними лежала не великая цивилизация, а ее жалкие остатки – множество мелких княжеств, враждующих друг с другом. Памятники и крупнейшие города были в запустении, и даже религиозный культ стал практически номинальным: правление на территориях как бы осуществлялось из двух центров – религиозного и светского, на практике же оно видимо не осуществлялось вообще, поскольку распоряжения этих двух центров противоречили друг другу. С V века до нашей эры культура, а затем и этничность Древнего Египта меняются кардинально, и великая цивилизация исчезает навсегда.

Последний «промежуточный» период начинается задолго до прихода соратника Александра Македонского – Птолемея к власти в Египте. Примерно в XI веке до нашей эры Египет распадается на два царства. Обычно моментом распада считают переход власти к XXI династии после смерти Рамзеса III, но уже царствование сына Рамзеса II было омрачено целым набором не вполне обычных проблем.

Не осталось документальной хроники тех времен, которая сообщила бы сухо и бесстрастно, что происходило и почему страна пришла в упадок после 400 лет процветания, давших миру имена Ахмоса, Хатшепсут, Эхнатона, Тутанхамона и, наконец, Рамзеса II, великого победителя хеттов при Кадише. Начнем с немногих известных нам фактов. Существенную часть информации можно почерпнуть из Papyrus British Museum EA 9999. В этом папирусе, длиной около 41 метра, известном в литературе как The Great Harris Papyrus (в честь коллекционера, который купил его в свое время), подробно и очень хвалебно описывается правление Рамзеса III. Но за похвалами скрываются сведения о ситуации: великий победитель народов

моря, «последователей Ирсу», ливийцев и эдомитов, Рамзес III впервые за сотни лет крайне серьезно укрепляет Мединет-Хабу – свой административный центр.

Подобного рода укрепления не строят просто так вокруг города в центре процветающей империи, – они явно были ответом на существенно возросшую военную опасность. Папирусы того времени сообщают еще о нескольких примечательных особенностях периода. Почти всё царствование Рамзеса III сопровождается плохими урожаями пшеницы – основной зерновой культуры в Египте. Параллельно падают доходы казны – государственным служащим и рабочим на государственных стройках с завидной регулярностью нечем платить. В 1159 году до нашей эры папирус фиксирует первую в мире документированную забастовку – строители мемориального комплекса Сет-Маат (строящейся при жизни фараона его усыпальницы) отказываются работать из-за сокращения рациона питания ⁷. Цены на зерно сильно растут.

Удивительное дело. Рамзес III успешно ведет войны на границах, остановил и расселил на окраинах «народы моря». Казалось бы, новых рабов должно быть в избытке. При этом же цены на еду растут, значит, содержать рабов становится дороже – цена на них должна сокращаться, а она тоже растет!

Из папирусов времен Рамзеса III мы не узнаем причин катастрофы. Не узнаем мы ее и из учебников. Современные историки ссылаются на целый набор невнятных идей – от нашествия «народов моря» (уподобляя Египет микроскопическим городам – государствам Малой Азии, которые были разрушены в конце медного века) до извержения вулкана Гекла. Между тем вероятный ответ на вопрос лежит у нас под носом, вернее, в каждом книжном магазине и даже прикроватной тумбочке любой западной гостиницы. Обратимся к Библии, к легенде, повествующей о временах, примерно на сто лет предшествующих царствованию Рамзеса III.

37 глава книги Бытия рассказывает легенду о сыновьях Иакова – прародителя еврейского народа (до сих пор, когда еврея просят объяснить, что означает слово «еврей», в ответ, как правило, услышишь – «бен Иаков», «сын Иакова»; евреи объясняют принадлежность к еврейству как принадлежность к семье, исторически восходящей к легендарному патриарху). Среди братьев был один по имени Иосиф, проданный остальными братьями в рабство в Египет. Далее (глава 39) Иосиф оказывается рабом Петепре (Потифара в русском переводе) – приближенного фараона. Пройдя весьма романтические и драматические перипетии (здесь это слово идеально подходит в своем исконном значении – Иосиф ведет себя слишком самоуверенно и из-за этого страдает), Иосиф оказывается сперва в тюрьме, а потом – по счастливому стечению обстоятельств – на личной встрече у фараона.

Фараон делится с Иосифом проблемой – ему снятся дурные сны на тему «жизнь переменчива». Придворные мудрецы не могут истолковать его сны – еще бы, попробовал бы кто-то из придворных заикнуться фараону, что в его царствование что-то может быть не так! Иосиф же – человек посторонний, да и терять ему особо нечего (он продан в рабство подростком, а когда он говорит с фараоном, ему 30 лет, то есть он с десятков лет провел в тюрьме), и он прямо говорит фараону: *«Наступают семь лет, которые по всей земле египетской будут временем великого изобилия. Но за ними придут семь лет голода, и в те годы забудется бывшее обилие плодов земли. Голод истощит Египет. И когда его время наступит, прежнее изобилие в стране станет совершенно незаметным – таким жестоким будет этот голод»* (Бытие, 41).

Фараона приятно удивляет искренность Иосифа, и он спрашивает: «А что же делать?». У Иосифа, который в тюрьме долго думал над основами экономической теории, готов ответ: «Пусть фараон подыщет человека рассудительного и мудрого и поставит его управлять Египтом. И фараону надо позаботиться о том, чтобы по всей стране назначить и других чиновников, дабы все семь лет изобилия собирать пятую часть того, что вырастет на земле египетской.

⁷ URL: <https://egyptopedia.info/component/content/article?id=1686:ramses-iii#h6-ekonomicheskie-potryaseniya> (дата обращения: 14.07.2020).

Они должны собрать весь избыток богатого урожая грядущих лет благополучия и, пользуясь властью, данной им фараоном, сделать запасы зерна в городах и хранить его там. Запасы этого зерна в стране потребуются на те семь лет голода, что придет на землю египетскую. Так страна переживет этот голод».

Иосиф по форме предлагает фараону создать «резервный фонд» – тот самый, который создавался в свое время в Чили, тот самый, за который ратовал и который создал в России Алексей Кудрин. По форме, но не по сути.

Фараон, в естественной логике легенды, ставит Иосифа тем самым человеком – управлять Египтом. Иосиф успешно справляется с обязанностями – он создает громадный («даже считать перестали, ибо было не сосчитать») зерновой фонд. Когда наступает период неурожая, он продает зерно из хранилищ тем, кто в нем нуждается и может за него заплатить.

Скотоводы засушливой и гористой Палестины (тогда называвшейся Ханааном) давно уже ведут с Египтом торговлю, покупая пшеницу и продавая скот, ремесленные изделия, добытые металлы, рабов. В период неурожая, естественно, больше всего поднимаются цены на «внешнем» рынке – и голод наступает так же и в Ханаане. Племена кочевников устремляются в Египет с целью «добыть» зерно. В легенде братья Иосифа приходят в Египет купить зерна, но продавец теперь один – государство в лице Иосифа. Иосиф принимает братьев (проведя их через положенные для легенды трудности, вызывающие в них раскаяние), открывается им и предлагает вообще переселиться в Египет, что те с радостью и делают.

Конечно, нельзя воспринимать легенду как исторический документ. Однако эта история отлично отражает суть событий, которые происходили в Египте, и (как мы позже увидим) происходили неоднократно. Египет – страна, богатая пшеницей (и спустя тысячелетие Египет будет житницей Древнего Рима). Пшеница – классический ресурс, достаемый дешево благодаря плодородности почвы и дешевому труду. Пшеница отлично экспортируется благодаря тому, что вокруг Египта нет пойм больших рек, а значит, нет высокоурожайных полей. Египет благодаря отличным урожаям может прокормить большое население, а значит, может иметь большую армию, много строителей, чиновников, писцов, содержать много рабов – в общем, быстро и успешно развиваться.

Но земель, а значит, и конечным продуктом, владеют землевладельцы типа Петепры, упомянутого в легенде, или храмов, каждый из которых тоже владеет землей. Землевладельцы богатеют, «независимый капитал» угрожает централизованной власти в стране. К тому же, как ни плодороден Египет, но если случается засуха или болезнь пшеницы, или пожары уничтожают посевы, цены на зерно сильно вырастают (и сегодня, спустя три тысячи лет, падение урожая зерновых вызывает такой подъем цены на рынке, что производителям неурожайные годы намного выгоднее урожайных). Землевладельцы еще и придерживают часть зерна в такие годы, что вызывает протесты населения (и все, конечно, недовольны фараоном). А землевладельцы наживаются и в тучные, и в тощие года, и доходы от экспорта идут к ним, в то время как казна страдает.

Как только власть фараона достаточно укрепляется, он задумывается о том, как реквизировать избыточные доходы землевладельцев. Самый простой и самый понятный народу способ – изымать излишки, установить «бюджетное правило», по которому большая часть урожая (сверх определенного объема на единицу площади) будет сдаваться в кладовые фараона. И всегда при фараоне найдется такой Иосиф, который объяснит ему и народу, что это делается для народного же блага – чтобы спасти от будущего голода.

Чем больше урожай, тем ниже цена на рынке – земледельцы, торговцы, крупные покупатели могли бы сами делать запасы (и, конечно, делали). Теперь, когда излишек отбирается фараоном, цена не падает так сильно, и запасы на черный день не сделаешь. Зато, когда наступает неурожай, из закромов фараона зерно продается на рынок, и это несколько снижает цену на рынке. В итоге казна невероятно обогащается. При этом конечный покупатель страдает

постоянно – ведь раньше в периоды хорошего урожая он делал запасы по низкой цене и покупал по этой же низкой цене пшеницу для потребления, а теперь, лишенный запасов, он вынужден всегда покупать пшеницу по цене существенно выше. Землевладельцы-производители не просто теряют часть доходов (в общем, они теряют не критически много) – они теряют мотивацию к развитию производства, ведь все излишки у них всё равно отбирают, а в наиболее выгодные (кризисные) годы казна конкурирует с ними, сбивая цену.

Легенда говорит, что сперва дела у фараона идут хорошо. В первый же период голода *«Иосиф распорядился открыть хранилища и продавать зерно египтянам, ибо великий голод стоял в земле той. И со всех соседних стран люди шли в Египет покупать зерно у Иосифа, потому что везде был страшный голод»* (Бытие, 41). Но общий рост цен на зерно, спровоцированный «контрциклической» политикой «Иосифа», разумеется, привел к массовым банкротствам простых жителей Египта – а в те времена банкроты становились рабами или продавали себя за долги добровольно, и тому есть много свидетельств в папирусах.

Вот как об этом пишет Библия (Бытие, 47):

«Иосиф собрал все деньги, которые были в Египте и Ханаане, в качестве оплаты за зерно, которое они покупали, и принес их во дворец фараона.

Когда деньги народа Египта и Ханаана исчезли, весь Египет пришел к Иосифу и сказал: “Дайте нам пищу. Почему мы должны умереть на ваших глазах? Наши деньги израсходованы”.

“Тогда приведите свой скот, – сказал Иосиф. – Я продам вам еду в обмен на ваш скот, так как ваши деньги ушли”.

Итак, они отдали свой скот Иосифу, и он дал им еду в обмен на их лошадей, их овец и коз, их скот и ослов. И он прокормил их год в обмен на весь их скот.

Когда тот год закончился, они пришли к нему на следующий год и сказали: “Мы не можем скрыть от нашего господина тот факт, что, поскольку наши деньги ушли и наш скот принадлежит вам, нашему господину, ничего не осталось, кроме наших тел и нашей земли. Почему мы должны погибнуть на ваших глазах – и мы, и наша земля? Купи нас и нашу землю в обмен на еду, и мы с нашей землей будем в рабстве у фараона. Дай нам семя, чтобы мы могли жить и не умереть и чтобы земля не опустела”.

Иосиф купил всю землю в Египте для фараона. Все египтяне продали свои поля, потому что голод был для них слишком суровым. Земля стала принадлежать фараону, и Иосиф превратил людей в рабов от одного конца Египта до другого».

«Иосифы», как видно из легенды и из исторических документов, вели достаточно циничную политику и по отношению к иностранным покупателям. Манипулируя продажей зерна, они заставляли племена кочевников и скотоводов оседать на территории Египта, фактически делая их зависимыми от центральной власти и постепенно превращая в полурабов, полуработников на службе у фараона.

В итоге власть действительно укрепляется. Множество рабов и зависимых «инородцев» пополняют армию дешевых работников. Казна полна, и можно финансировать масштабное строительство и военные кампании. Оставшиеся немногие землевладельцы, лишенные излишков, теряют способность бороться за большую автономию и выказывают много больше лояльности фараону. Чиновники фараона, занимающиеся сбором излишков, управляющие продажей казенной пшеницы, ведающие иностранными делами, становятся самостоятельной силой и быстро богатеют (видимо, как от щедрости фараона, так и от взяток и простого грабежа землевладельцев).

Но позитивный эффект короток (вернее, в современных масштабах он очень длинен – его хватает едва ли не на сотню лет, но в исторической перспективе он выглядит коротким). Лишенные мотивации получать большие урожаи, зато мотивированные идти на государственную службу, оставшиеся землевладельцы постепенно снижают производство пшеницы, часто банкротятся, их земля уходит в казну и либо вообще перестает обрабатываться, либо обрабаты-

вается плохо – кто же хорошо обрабатывает не свою землю? Ремесленники, не способные себя прокормить в условиях более высоких цен на пшеницу, которые теперь растут не только из-за налога, но и в связи с падением урожаев, становятся рабами и пополняют армию строителей монументальных, но бесполезных сооружений, возводимых по прихоти богатеющей власти. Раздутая казна позволяет всё более бездумно вести агрессивную политику. Войны с соседями, попытки установить контроль над спорными территориями стоят больших средств, вовлекают (отвлекая от труда) всё больше людей, а гипертрофированное значение армии приводит к тому, что она становится мощной экономической силой – в том смысле, что оттягивает на себя ресурсы и обеспечивает обогащение своей верхушки. Зернохранилища, сокровищницы, дворцы фараона и приближенных, реквизированные у банкротов земли и имущество надо усиленно охранять от множества бедняков и рабов – количество охранников тоже заметно растет. Растет и количество чиновников: оно всегда растет, если его не сокращать искусственно, а здесь есть и объективная причина для роста – казна постепенно монополизирует экономику. Формируется крайне опасная для экономики триада: потеря мотивации тех, кто ведет бизнес, вымывание производительных сил в пользу непродуктивных сфер, снижение эффективности труда из-за увеличения доли рабского труда на рынке.

Рассказ о том, что происходит дальше, так же нашел свое отражение в Библии – правда, с точки зрения не самих египтян, а кочевников-скотоводов, которые в период триумфального внедрения «кейнсианской» контрциклической модели резервирования ресурса вынуждены были осесть внутри Египта (первая глава «Исхода» говорит даже, где именно – в земле Гошен, в плодородной части долины нижнего течения Нила). Живущие в этой долине вчерашние ханаанцы не занимаются обработкой земли и скотоводством – власти *«поставили над ними начальников работ, чтобы изнуряли их тяжкими работами. И они построили фараону Пифом и Раамсес, города для запасов»* (Исход, 1) ⁸.

В разоренной властью стране, конечно, беспокойно, и централизованную власть охватывает обычная для такой власти паранойя – фараон боится своих подданных, боится вчерашних кочевников, которые продолжают жить племенами и могут выступать организованно. Легенда об Исходе говорит о приказе фараона убивать всех новорожденных сыновей кочевников в Гошене. Вряд ли можно воспринимать ее буквально – у нас нет документальных свидетельств таких приказов, зато легенда об избииении неким злым царем всех детей (как правило, из страха, что родится тот, кто его свергнет) являлась популярным мотивом сказок еще до времен Рамзеса III. Но сказка, скорее всего, достаточно точно передает настроение того времени – подозрительность власти, попытки насильственной ассимиляции, растущий уровень репрессий, стремление дискриминировать национальные и культурные группы, не соответствующие мейнстриму, вполне характерны для ресурсной экономики.

Между тем экономические отношения в стране уже далеко не те, что в начале контрциклического управления. Как выглядит экономика, лучше всего описывает сама Библия (Исход, 5):

«И в тот же день фараон дал повеление приставникам над народом и надзирателям, говоря: не давайте впредь народу соломы для делания кирпича, как вчера и третьего дня, пусть они сами ходят и собирают себе солому, а кирпичей наложите на них то же урочное число, какое они делали вчера и третьего дня, и не убавляйте; они праздны, потому и кричат: “пой-

⁸ В двух этих фразах можно найти два прекрасных свидетельства: во-первых, как у любой разбогатевшей власти, у власти фараона времен гиперцентрализации и «экономики Иосифа» приоритет – масштабные строительные проекты. Строить города для запасов важнее, чем эти запасы создавать. А зачем города, почему не просто склады? А затем, что в стране уже беспокойно и надо запасы охранять с удвоенной бдительностью. А о каком периоде повествует легенда? Похоже, что о царствовании Рамзеса II, отца Рамзеса III – недаром один из городов называют Раамес. В «Исходе», кстати, фараон умирает, и сам исход происходит при его сыне – это вполне соответствует нашей логике – «евреи» уходят при Рамзесе III.

дем, принесем жертву Богу нашему»; дать им большие работы, чтоб они работали и не занимались пустыми речами.

И вышли приставники народа и надзиратели его и сказали народу: так говорит фараон: не даю вам соломы; сами пойдите, берите себе солому, где найдете, а от работы вашей ничего не убавляется. И рассеялся народ по всей земле Египетской собирать жниво вместо соломы. Приставники же понуждали, говоря: выполняйте урочную работу свою каждый день, как и тогда, когда была у вас солома. А надзирателей из сынов Израилевых, которых поставили над ними приставники фараоновы, били, говоря: почему вы вчера и сегодня не изготавливаете урочного числа кирпичей, как было до сих пор?

И пришли надзиратели сынов Израилевых, и возопили к фараону, говоря: для чего ты так поступаешь с рабами твоими? Соломы не дают рабам твоим, а кирпичи, говорят нам, делайте. И вот, рабов твоих бьют; грех народу твоему.

Но он сказал: праздны вы, праздны, поэтому и говорите: «пойдем, принесем жертву Господу». Пойдите же, работайте; соломы не дадут вам, а положенное число кирпичей давайте. И увидели надзиратели сынов Израилевых беду свою в словах: «не убавляйте числа кирпичей, какое положено на каждый день»».

Показательно, какую большую роль играют «приставники и надзиратели» – это же целый класс людей, которые заняты тем, что вообще не нужно в нормальной экономике, где владелец земли или ремесленник смотрит за качеством работы своих работников, а работник стремится сделать больше, чтобы больше получить. Спустя 150–200 лет после начала огосударствления экономики в Египте работают лишь рабы, которым нужны бесконечные приставники и надзиратели, чтобы заставить работать.

Как должны были собирать солому производители кирпичей? Кто хоть на секунду задумался о том, что если заставить их собирать солому и делать столько же кирпичей, что и раньше, то качество кирпича неминуемо существенно упадет?

Интересна фраза «собирать жниво вместо соломы». Солома (straw в английском варианте Библии) – это срезанные стебли зерновых. Жниво (stubble) – это то, что осталось торчать в земле после того, как стебли срезали. Производителей кирпичей отправили собирать оставшиеся в земле части стеблей. Почему? Кому придет в голову отложить в сторону имеющуюся солому и отправить людей собирать жниво просто ради того, чтобы поиздеваться? Видимо, тому, кто понимает – соломы не хватает на кирпичи. Кирпичей нужно всё больше, а соломы всё меньше – урожаи падают, пирамиды – растут. Не правда ли, все эти ресурсные автократии напоминают друг друга даже спустя тысячелетия?

Легенда гласит, что кочевники-рабы пожелали уйти из Египта. Когда фараон отказался их отпускать, на Египет обрушились несчастья (казни египетские); в конечном итоге большая масса рабов уходит через Синай, войско фараона не может их остановить – по легенде, так рождается еврейская нация, а в Египте наступает смутное время.

Вряд ли можно утверждать, что легенда об Исходе описывает конкретные события. У нас нет исторических подтверждений существования Моисея – предводителя уходящих кочевников-рабов. Но процессы, описанные в начале книги «Исход», – не выдумка древнего летописца. Они происходили, и происходили многократно; более того, они происходили и за тысячу лет до времени, о котором мы говорим в этой истории.

Папирус «Лейден 344», датируемый серединой второго тысячелетия до нашей эры, является (со слов писца) копией литературного произведения, созданного еще лет на 500 раньше, условно называемого «Предостережения Египетского Мудреца». Этот пространственный «поучающий документ» (жанр «поучающего письма» в Египте был очень популярным) рассказывает, какие беды случаются в государстве, когда в нем ослабевают центральная власть. Рассказ этот – не теоретический, он – воспоминание о первом периоде междуцарствия, который случился в 2200–2100 годах до нашей эры. Неизвестный автор достаточно детально описывает бедствия

того времени: многолетний голод, вызванный как засухой, так и тем, что земля не засеивалась, и нашествиями вредителей; эпидемии среди скота и людей, гибель детей от болезней; беспорядки, восстания, столкновения между отделяющимися друг от друга частями государства; нашествия извне и массовые исходы жителей (в основном рабов). Мы позволим себе предположить, что не только «Предостережения...» повлияли на авторов книги «Исход», но и события начала третьего промежуточного периода были сильно схожи с событиями, описанными в «Предостережениях». Почему? Потому что, скорее всего, и предшествующие события были похожи: как и в XI–XII веках, до нашей эры, за более чем тысячу лет до того, централизация власти в Египте во времена «Древнего Царства» привела к «политике Иосифа» в отношении ресурса – той же пшеницы. Рынок был так же уничтожен, население превращено в рабов, солдат и чиновников. Исчезновение рыночной мотивации приводит к сокращению производства и заброшенности земель, а бездарное управление отнятой землей – к потерям из-за засух и саранчи. Скот тоже оказывается государственным, то есть бесхозным, и страдает от эпидемий и нехватки кормов – их и людям-то не хватает. Массы полурабов и рабов, отношение к которым чиновников-надсмотрщиков красочно описано в Библии, в конечном итоге не могут не начать сопротивляться. Восстания прокатываются по всем регионам, причем их поддерживают и оставшиеся немногие земледельцы, и разорившиеся, но еще свободные предприниматели, и даже священники, потому что храмы всё время ведут борьбу за свое влияние, и междуцарствие дает им возможность получить еще больше власти и богатства.

Начинается «промежуточный период» – первый за 1000 лет до третьего (о начале которого идет речь в книге «Исход»), но суть у них одна. Армия, способная обогащаться в войнах с кочевыми племенами и грабить собственное население, чиновники, занятые поборам и собственным обогащением, не в состоянии помочь фараону удержать страну под контролем. Раньше страну связывал общий рынок, защита которого единой армией была крайне важна. Теперь связь оборвана и всем, кто на что-то способен, выгодно ее разделение. В каждом более или менее самодостаточном регионе Египта образуются местные элиты, которые реприватизируют землю и перестают платить фараону. Они активно используют священников (храмам они платят и даже очень щедро), чтобы оправдать свои действия. В начале третьего промежуточного периода половина Египта вообще переходит под контроль священников, противостоящих бессильным приказам фараона.

После первых двух промежуточных периодов Египет оправляется долго, но оправляется. Новый Египет оба раза начинается как страна, в которой частная экономика превалирует, количество рабов сравнительно невелико, а главной идеей централизации власти является не централизация капитала, а защита производителя от внешней угрозы и внутренних распрей. Но проходит время, власти забывают уроки прошлого – и кризис повторяется.

В итоге не климатические изменения, внешние враги или «пятая колонна» приводят к тому, что Египетская империя угасает, в беспорядках и голоде распадается на мелкие царства и в конечном счете без боя сдается грекам. К этому приводит политика национализации, централизации и бюрократизации страны, основанная на использовании ресурса – изначально благоговения, но в итоге – проклятия для страны.

Пройдут три тысячи лет после Рамзеса III, а на Земле всё еще будут находиться гениальные правители и министры, которые будут стремиться использовать ресурсы их стран ровно таким же способом – чтобы централизовать экономику, обеспечить несменяемость власти, наполнить до краев казну, параллельно убивая бизнес и равнодушно глядя на обнищание граждан, вынужденных идти на непроизводительную государственную службу. На фоне масштабных, но бессмысленных госпроектов экономика таких стран будет сокращаться, а сами они будут уверенно идти к своему «промежуточному периоду» – смутному времени, дезинтеграции и массовому исходу всех, кто хотел бы и мог бы способствовать росту и развитию. Но об этом – в других главах книги.

Глава 4. Кризис менеджмента

О феномене финансовой системы как ресурса в экономике, о катастрофических последствиях экономического дисбаланса, а также немного о сходстве между временами правления императора Тиберия и некоторыми современными государствами

Через 50 лет процветания стало невозможно игнорировать последствия нарастающих бюджетных расходов, эмиссии необеспеченных денег, огромных социальных трат и тотального дефицита торгового баланса.

Цены на недвижимость постоянно росли. Вести бизнес в метрополии становилось всё менее прибыльно, в то время как избыточная денежная масса, генерировавшаяся как необеспеченной эмиссией, бывшей любимым способом пополнять бюджет, так и бурным ростом кредитования, выплескивалась в менее развитые регионы, где рост экономики был более быстрым.

В результате отток капитала из центра стал столь серьезным, что уже для поддержания внутреннего потребления потребовались масштабные кредитные ресурсы, которые и были предоставлены потребителям банками под проценты, существенно превышавшие рост экономики. Стагнация требовала действий, и глава государства велел сенату принять законы, значительно ограничивавшие возможности ухода от местного налогообложения за счет инвестиций за рубежом, и лимитировавшие ставки потребительского и ипотечного кредитования. Сенат, члены которого сами активно инвестировали за пределами метрополии и кредитовали под высокий процент, долго противился, но всё же согласился и принял законы с отсрочкой полного ввода в действие на полтора года.

Последствия не заставили себя ждать: отток капитала резко усилился – инвесторы стремились быстро спрятать средства и уйти с рынка с низкими ставками кредитования и роста. Банки стали сворачивать операции в метрополии, пытаясь досрочно закрыть кредиты и не выдавать новых. Выяснилось, что ипотека является пирамидой: заемщики оказались массово не способны вернуть кредиты. На рынок одновременно попало огромное количество недвижимости должников, и цены на недвижимость резко пошли вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.